

Кейзуэлл расслабился, сидя на самом большом предмете мебели в гостиной, положив обе ноги на свою личную позолоченную скамеечку для ног (хорошо живут эти буржуи). Пока он продолжал бездельничать, все его внимание было сосредоточено на предмете, с которым он играл в руках.

Это был мушкет, точнее, пистолет мушкетного типа (чего блять? Все вопросы к автору, который написал вообще вот так - it was a pistol musket).

Он был загипнотизирован его красотой, продолжая вращать его в руках.

Из всех драгоценных вещей, которыми он обладал, включая его обширную коллекцию различных украшений и антиквариата, он все еще считал этот мушкет самым ценным. По какой причине?

Это было потому, что ранее ничего похожего на этот мушкет не существовало.

Это было потому, что этот конкретный мушкет был мушкетом с казенной частью.

Новое революционное оружие, которое было придумано Максвеллом, а также разработано и произведено мастерами Кейзуэлла.

В отличие от своих дульнозарядных аналогов, мушкет с казенной частью можно перезаряжать с задней части ствола, что делает его намного более удобным в обращении, тем самым значительно увеличивая его скорострельность.

Однако все еще оставалась одна вопиющая проблема, которая делала оружие с казенной частью менее эффективным, чем оружие с фронтальной перезарядкой в большой открытой войне, по крайней мере, на данный момент. Это была себестоимость и скорость производства мушкета с казенной частью.

На данный момент количество времени, денег и усилий, необходимых для производства даже одного мушкета с казенной частью, не могло сравниться с дешевыми, легкими в производстве старыми мушкетами.

Во время встречи с Сицилией и Максвеллом трое братьев и сестра пришли к выводу, что темпы производства оружия не смогут соответствовать потребностям армии. Они решили, что лучше всего оставить это как экспериментальный проект, возглавляемый лучшими мастерами Кейзуэлла, который будет совершенствоваться до тех пор, пока в точной инженерии не будет достаточного прогресса, чтобы запустить оружие в массовое производство.

В конце концов, только пять экспериментальных образцов были созданы и переданы пятью избранным.

Хотя в настоящее время существовало еще четыре рабочих прототипа из пяти, один из них, который принадлежал Кейзуэллу, все еще был "особенным" из-за одного отличия.

Это отличие заключалось в том, что пистолет Кейзуэлла также был покрыт золотом.(1)

1. Окей. Автор просто не знает название пистоля, пусть так.

Это можно было бы назвать пустой тратой денег, но Кейзуэллу нужно было так много потратить на их производство, что это в принципе не имело значения. Он покрутил в руке позолоченный пистолет, продолжая восхищаться его мастерством.

"Все еще восхищаешься этим чертовым золотым пистолетом?"

Кейзуэлл перестал вращать мушкет, как только услышал голос Кромвеля. И хотя он услышал напыщенные шаги последнего, задолго до того, как Кромвель приблизился к дверям гостиной, Кейзуэлл предпочел притвориться, что не заметил приближения Кромвеля.

Кейзуэлл усмехнулся, как только Кромвель закончил фразу. Он вернул свой мушкет (пистоль) обратно во внутренний карман пальто, прежде чем повернуться лицом к Кромвелю, который только что вошел в гостиную.

"Это потому, что люди придерживаются разных вещей с разными ценностями. Для человека, который легко может сказать, чего хочет женщина, я удивлен, что ты до сих пор этого не понял."

Кромвель разразился саркастическим смехом, как только Кейзуэлл закончил говорить.

"Не понял? Насколько я, по-твоему, глуп? Я все прекрасно понимаю... Я просто чувствую необходимость время от времени напоминать тебе об этом."

"Если это все, что тебе нужно сказать, тогда почему ты все еще здесь?"

Кромвель пожал плечами и сел напротив Кейзуэлла.

"Я не знаю. Я просто чувствую, что в последнее время мы провели гораздо больше времени вместе, чем в прошлом месяце. Немного странно, тебе не кажется?"

Брови Кейзуэлла поползли вверх, как только он услышал, что хотел сказать Кромвель.

"Подумать только, что из всех, кого мы знаем, тот, кто свел нас вместе, на самом деле оказался-"

"Максвелл."

В комнате воцарилась тишина, как только другой голос прервал Кроуэлла. И Кромвель, и Кейзуэлл повернулись к обладателю нового голоса, который только что вошел в гостиную. Это была Сицилия. Ни один из них не был слишком удивлен внезапным появлением Сицилии без всякого предупреждения. На самом деле, они оба почти ожидали этого.

Это было потому, что они оба знали об уникальном таланте Сицилии.

Талант, который позволил ей манипулировать своей магией таким образом, чтобы заглушить собственные шаги.

Это был врожденный талант, который едва ли мог быть воспроизведен кем-либо другим.

По-прежнему бесшумными шагами Сицилия прошла в глубь гостиной, но не села. Вместо этого она подошла к одному из окон, заложив руки за спину. Как будто она грелась в солнечных лучах, проникающих сквозь стекло.

Кейзуэлл был лишь слегка раздражен двумя незваными гостями. По правде говоря, он скучал по их шуточным спорам, которые у них часто имели место быть, когда они были моложе. Тем не менее, казалось бы, именно Кейзуэлл должен был нарушить молчание.

"Итак, вы двое собираетесь продолжать тратить мое время своим бессмысленным молчанием

или вы действительно собираетесь что-то сказать?"

"Интересно, не правда ли?"

Первой из них двоих ответила Сицилия, которая продолжала смотреть в окно, все еще держа руки за спиной. Кейзуэлл предпочел промолчать и позволить Сицилии продолжать по собственному желанию, но, похоже, у Кромвеля были другие планы.

"Что там такого интересного?"

Кейзуэлл увидел, как Сицилия пожала плечами в ответ Кромвелю, прежде чем продолжить.

"Разве ты не понимаешь, как много мы значим для планов Максвелла?"

"Тебе не нужно говорить это вслух, чтобы я это понял."

Говоря это, Кромвель обменялся взглядами с двумя другими фигурами в комнате.

"Но я все еще не понимаю, какое это имеет отношение к данному разговору?"

Сицилия вздохнула, прежде чем ответить. Хотя Кейзуэлл не мог видеть ее лица, он знал, что она уже мысленно называла Кромвеля идиотом.

"Разве Максвеллу не повезло, что люди, которые ему нужны для достижения его целей, будут тесно связаны с ним по крови? Если бы мы не были частью одной великой семьи, я сомневаюсь, что Максвелл смог бы убедить кого-то другого работать с ним, даже со своим...военным талантом."

"Ну и что?"

Кейзуэлл решил, что сейчас самое подходящее время вступить в дискуссию. Хотя на самом деле на карту ничего не было поставлено, небольшая часть его гордости требовала, чтобы он взял на себя ответственность за этот диалог.

"Все мы понимаем, что работаем с ним не по доброте душевной... по крайней мере, не полностью."

Кейзуэлл постарался выделить каждое свое слово, когда говорил это.

"У всех нас есть выгода, которую мы можем извлечь из этого... "делового сотрудничества". Или вы намекаете, что все равно помогли бы Максвеллу, даже если бы вы ничего не получили от этого?"

Двое других Даннуоллов хранили молчание, пока Кейзуэлл продолжал говорить.

"Я признаю это. Мы одни из худших кусков дерьма, ублюдков, когда-либо ходивших по этой земле, и мне не стыдно это сказать. Мы лжем. Мы обманываем. Мы убиваем ради нашей личной выгоды."

Кейзуэлл увидел, как на лице Кромвеля появилось выражение смешанных чувств, когда он, казалось, пытался что-то сказать. С другой стороны, Сицилия продолжала смотреть в окно, так что Кейзуэлл, к сожалению, не мог прочитать выражение ее лица.

Если не считать Максвелла, Сицилия была самым загадочным Даннуолом. Часто было очень

трудно понять, что у нее на уме, даже наблюдая за мимикой ее лица.

Однако это не меняло того факта, что в гостиной по-прежнему царил абсолютная тишина.

Вскоре кто-то, в конце концов, нарушил молчание.

На этот раз это была Сицилия.

"Ну и что, что мы ублюдки? Только ублюдкам позволено процветать в этом мире."

Говоря это, Сицилия продолжала смотреть в окно.

"Те, кто по глупости позволил ввести себя в заблуждение такими вещами, как "мораль", окажутся всего лишь трупом на дне какой-нибудь реки."

Она говорила, как ни в чем не бывало, как будто то, что она сказала, было очевидно. По правде говоря, это была правда, и все в комнате уже знали об этом факте. Просто все думали об этом скорее как о "невысказанной истине", которое не нужно было произносить вслух.

После короткого мгновения молчания, Сицилия снова заговорила.

"Хотя мы все видели гениальные планы и уловки Максвелла, это не меняет того, что наша жизнь зависит от его успеха."

Сицилия медленно повернулась, говоря это. Она встала между Кромвелем и Кейзуэллом так, чтобы трое Даннуоллов образовали треугольник. Сицилия выпрямила спину, прежде чем продолжить разговор.

"Это все или ничего... либо Максвелл преуспееет в своих планах, и семья Даннуол, наша семья станет самой выдающейся семьей во всей Дрессии..."

Сицилия сделала короткую паузу, чтобы до них дошло то, что она сказала, прежде чем продолжить.

"Или он потопит этот корабль... и мы утонем вместе с ним."

Казалось, воздух застыл, как только Сицилия замолчала.

Единственными звуками в гостиной были шум ветра и их дыхание. Единственными движениями, которые можно было заметить, были периодические перемещения глаз, когда трое Даннуоллов обменивались взглядами друг с другом.

Хотя каждый из них уже знал об рисках плана Максвелла, только сейчас одна из них заговорила об этом. Возможно, это было потому, что все думали, что лучше держать эти мысли в голове.

Как бы то ни было, гостиная снова наполнилась тишиной, как только Сицилия закончила свой короткий монолог.

И снова это молчание будет нарушено, но не Кромвель, не Кейзуэлл и не Сицилия будут его нарушителем.

На этот раз это был кто-то новый, кто только что прибыл.

Громкие повторяющиеся, но медленные хлопки эхом разнеслись по комнате, когда новоприбывший вошел через дверь.

Все уже знали, кто это был, еще до того, как он показал свое лицо.

В сопровождении своего первого лейтенанта Эрики, Максвелл медленно вошел в комнату, продолжая саркастически хлопать.

"Поздравляю, это был замечательный, замечательный момент единения, который вы трое только что пережили. Я чувствую, как вы все задели струны моего сердца."

Голос и манеры Максвелла были совершенно непринужденными, несмотря на реальную серьезность предмета разговора. Это никого не удивило, даже в юном возрасте Максвелл всегда отвечал сарказмом, если только тот, с кем он разговаривал, не были его родителями.

Максвелл перестал хлопать и оглядел комнату, прежде чем продолжить.

"В такие времена я радуюсь, что мы связаны кровью..."

Максвелл на мгновение замолчал, словно о чем-то размышляя. Кроме самого Максвелла, никто не знал, что на самом деле происходит у него в голове. Он причинно пожал плечами, прежде чем продолжить.

"Прекрасно... кровь и жадность."

<http://tl.rulate.ru/book/75717/2252797>